

A.V. Zharkov

Educational Level of the Sverdlovsk Region Population According to the 1989 All-Union Census Materials

Keywords: educational level, sverdlovsk region, population census.

Abstract. The author analyzed the data of the all-union census of 1989 on the educational level of the population of the sverdlovsk region. They are compared with the indicators of the rsfsr. Conclusions are drawn that, in general, the educational level of the population of the region was relatively high, but the indicators of secondary specialized, higher and incomplete higher education lagged behind the republican level.

Zharkov Alexander Vladimirovich, junior researcher of the Center for economic history, Institute of history and archeology of the UB of the RAS (Ekaterinburg, Russia); e-mail: alessandro2017@mail.ru.

УДК 94(470.5)“1920”

К.И. ЗУБКОВ¹

РЕГИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА УРАЛЬСКОЙ ОБЛАСТИ И ФОРМИРОВАНИЕ СТРАТЕГИИ ОСВОЕНИЯ СЕВЕРА (1920-е годы)

Ключевые слова: Уральская область, районирование, Север, Тобольский округ, стратегия, колонизация.

Аннотация. В статье рассматриваются мотивы включения в состав образованной в 1923 г. Уральской области территорий Тобольского Севера, основные направления политики уральских властей по их освоению и развитию. Дается анализ достижений и проблем региональной политики Уральской области на своих северо-восточных окраинах, ее вклад в формирование ранней советской стратегии освоения Севера.

Образованная 3 ноября 1923 г. Уральская область стала не только первым в советской России опытным полигоном районирования многопрофильного индустриального региона, но и одним из тех

¹ Зубков Константин Иванович, кандидат исторических наук, заведующий центром методологии и историографии, ФГБУН Институт истории и археологии УРО РАН (Екатеринбург, Россия); e-mail: zubkov.konstantin@gmail.com.

крупных областных объединений, которые формировали раннюю советскую стратегию освоения Севера. С точки зрения общих принципов районирования северные окраины России ставили перед плановиками труднейшие задачи. При их слабой естественнонаучной и геологической изученности, суровом климате, очень редком населении и огромных пустынных территориях, не существовало сколько-нибудь ясных представлений о том, в каком направлении и какими методами, с опорой на какие ресурсы должно происходить развитие Севера. Такой стратегической ясности не обнаруживается не только в документах начала 1920-х гг., но даже в материалах первого пятилетнего плана (1928/29–1932/33 гг.), где развитие Севера имело не более чем маргинальное значение. Признаки перехода к промышленной переработке сырьевых биоресурсов Севера обнаруживались лишь в планах для северного края, где, в силу близости к центру страны и — что важно — к заграничным рынкам, намечалось развивать лесопиление и лесопереработку, замшевое производство на базе местного оленеводства, механизацию рыбного (трескового) промысла. Для перспективных же, обеспечивавших базу индустриализации минеральных богатств Европейского Севера страны — печорских углей и нефти Ухты — еще никаких планов не определялось, поскольку их «промышленное значение... еще не было установлено». Остальной же Север фактически оставался в прежнем положении — «страны с низким уровнем хозяйственного развития, являющейся в целом резервом для более далеких времен», где «[ч]астичная эксплуатация лесов и горных богатств, намечаемая для пятилетия, не может иметь пока решающего значения» [1, с. 231, 521–522, 533, 534]. Это объясняет, почему в начале 1920-х гг. районирование Севера сводилось к установлению над его отдельными сегментами административной юрисдикции расположенных к югу, уже оформившихся в хозяйственном отношении крупных областей, краев и автономных республик и к перспективной привязке развития северных окраин к хозяйственному профилю последних.

Решению ВЦИК о временном («до разрешения общего вопроса о районировании Сибири») включении районов Тобольского Севера (Березовский и Сургутский уезды и северная часть Тобольского уезда бывшей Тюменской губернии) в виде отдельного округа в состав Уральской области [2, с. 1] предшествовали несколько раундов острых дискуссий и бюрократических схваток между Уралом и Сибирью. И для

руководства поэтапно организуемой с 1921 г. Уральской области, и для представителей Сибревкома, который в 1923 г. только приступал к районированию Сибири, были характерны лишь интуитивное осознание ценности громадного природно-ресурсного потенциала Тобольского Севера и довольно ориентировочные представления о возможных направлениях его развития. Проходившее в Омске в августе 1923 г. Межгубернское совещание по районированию Сибири выявило не только основные аргументы сторон в споре за обладание Тобольским Севером, но и первые советские подходы к стратегии освоения Севера в целом.

Представители Омского губисполкома, следуя госплановской методологии районирования, настаивали при создании намечаемой Обской (Западно-Сибирской) области на соблюдении принципа хозяйственной однородности и потому объясняли целесообразность включения Тобольского Севера в ее состав необходимостью объединить под одной административной «крышей» всех территорий Западной Сибири, отличающихся преобладанием непромышленных секторов хозяйства. В их представлении, Обская область, как единый «район сельскохозяйственного назначения», должна была включать три широтные хозяйственные зоны: южную — земледельческую, среднюю — «животноводственную» и северную — «лесоводственную и рыболовственную», каковую и должен был образовать Тобольский Север. Громадные лесные массивы Тобольского Севера должны были быть сориентированы на снабжение древесиной степных аграрных районов и на экспортные поставки леса с использованием речной системы Обь-Иртышского бассейна и трассы Северного морского пути [11, д. 2352, л. 52–52 об.].

Позиция Урала по вопросу интеграции Тобольского Севера имела ряд существенных преимуществ. Прежде всего, ожидалось, что Урал, как регион промышленной специализации, будет в большей степени заинтересован в разработке минеральных ресурсов Севера, что виделось важнейшей предпосылкой его будущей индустриализации. Хотя территория Тобольского Севера в целом оставалась неизученной в геологическом отношении, уже в первых предплановых разработках уральцев высказывались предположения, что районы Полярного Урала, сложенные теми же горными породами, что и Средний Урал, могут содержать крупные рудные запасы [3, с. 480]. В дальнейшем состояние минерально-ресурсной базы

северных районов оставалось в поле зрения уральских плановиков. Помимо выявленных запасов местных полезных ископаемых (глины, краски) и обширных торфяников Обь-Иртышского бассейна, в прилегающей к Уралу части Березовского района, по левым притокам Северной Сосьвы, констатировались признаки железных и медных руд, угля, марганца и даже нефти [4, с. 248]. Сколь бы важным ни было такое видение перспектив, суровые природно-климатические условия Тобольского Севера, его слабая изученность и непосильная капиталоемкость возможных промышленных разработок отдаляли переход этого края на рельсы индустриализации. Гораздо более актуальным и осязаемо-реальным для Урала виделся еще один путь масштабного вовлечения ресурсов Тобольского Севера в промышленное развитие — использование его почти нетронутых лесных запасов (почти 42 млн га) для нужд уральской металлургии, в которой с начала XX в. обнаружили явные признаки топливного кризиса. На омском совещании представитель Уральской плановой комиссии Б.В. Дидковский, резко критикуя омских плановиков за односторонний взгляд на лесное хозяйство, убедительно доказывал, что лес — это, прежде всего, важнейший промышленный ресурс, способный создать чрезвычайно жизненную экономическую связь Урала с Тобольским Севером. Примером этому могло служить успешное лесопромышленное освоение района Тавды, соединенного в 1916 г. железной дорогой с Екатеринбургом [11, д. 2352, л. 55]. По мнению уральских плановиков, рационально поставленная эксплуатация лесов Тобольского Севера не только позволяла решить критическую проблему поставок древесного угля на металлургические заводы Урала. Она также открывала перспективы производства и экспорта ряда других ценных видов лесной продукции (строевой ассортимент, продукты сухой перегонки древесины и др.). Рассматривалась также возможность организации плавки уральских железных руд на древесном угле в местах его производства (в первую очередь, на сплавных реках Обь-Иртышского бассейна) для вывоза на экспорт высококачественного чугуна [3, с. 479]. Из этих проектировок вырастала целая программа пространственного сдвига промышленного ядра Урала на восток. В 1924 г. видный ученый-металлург, профессор В.Е. Грум-Гржимайло всесторонне обосновал новую северо-восточную ориентацию хозяйства Уральской области, связав ее именно с перспективами вовлечения в промышленный оборот лесных

богатств Тобольского Севера и расширения на заводах Урала производства высококачественного древесноугольного чугуна. Уральское металлургическое хозяйство, расширяющее через производство древесного угля зону своего влияния на западную часть Обского бассейна, должно было, по мнению ученого, сформировать «Урал будущего», определить его новые границы [11, д. 2331, л. 14 об.].

Реализация этой масштабной программы зависела, однако, от успешного решения другой критической проблемы — развития современных путей сообщения. К началу 1920-х гг. пионерная роль железнодорожного транспорта в освоении Севера уже прочно овладела умами плановиков; он позволял преодолеть зависимость развития удаленных от центра окраин от конфигурации речных сетей и сезонного характера движения по ним. По мнению В.Е. Грум-Гржимайло, кардинально решить проблему интеграции лесных районов Тобольского Севера с горнозаводским Уралом должна была Северо-Сибирская магистраль (Сороки–Котлас–Тобольск), с дальнейшим выходом на Томск или Енисейск. Вместе с этим в качестве первого шага предлагалось строительство целой системы дополняющих сплавные реки небольших железнодорожных веток, связывающих крупные уральские заводы с районами первоочередных лесозаготовительных работ (Самский рудник – Лозьвинская пристань, Лозьвинская пристань – верховья Пелыма, Надеждинский завод – верховья Пелыма и др.) [11, д. 2320, л. 46 об. – 47]. Поскольку сооружение широтных железнодорожных магистралей в условиях северной тайги и болот представляло огромные технические сложности и требовало неподъемных капитальных затрат, внимание уральских плановиков сфокусировалось на реализации менее амбициозного и практически осуществимого проекта — прокладке железной дороги Тавда – Тобольск (187 км), которая должна была служить продолжением уже действующей линии Екатеринбург – Тавда. Новая железная дорога должна была обеспечить кратчайший (480 км) путь от центра Уралобласти до Тобольска, открывая тем самым прямой выход с Урала в Обь-Иртышский речной бассейн. Из ретроспективной оценки первых итогов районирования можно заключить, что уральское руководство смотрело на прокладку дороги Тавда – Тобольск, как и в целом на транзитную транспортную роль Тобольского Севера, как на один из ведущих мотивов, оправдывающих его присоединение к Уральской области. Линия Тавда – Тобольск должна была, в одном

направлении, давать выход лесным богатствам Севера на внутренний рынок страны, а в другом — обеспечивать организацию вывоза уральской и сибирской продукции по Оби и Иртышу на внешние рынки [5, с. IX]. Прокладка новой железной дороги была включена в «Генеральный план хозяйства Урала на период 1927–1941 гг.» как одна из важнейших плановых установок, определяющих экономическое будущее Урала [6, с. 577]. Однако ни хорошо обоснованное многоцелевое назначение линии Тавда – Тобольск, ни довольно небольшие сметные затраты на ее строительство (20 млн руб. в ценах 1927 г.) не спасли ее судьбу. Хотя ее строительство было включено в план первой пятилетки для РСФСР по разделу нового железнодорожного строительства и планировалось к завершению в пределах этого же пятилетия [7, с. 103 (III)], она так и не была построена.

Срыв реализации железнодорожного проекта был обусловлен многими причинами и связан с общим изменением курсовой экономической политики страны. Перед Уралом со стороны центра все настойчивее ставилась задача перевода его металлургической отрасли с древесного угля на кокс из Кузнецкого бассейна; в преддверии перехода к индустриализации конъюнктура экспорта, расцветшая в первые годы НЭПа, уже не рассматривалась как определяющая задача для региональных экономик. Этот поворот в политике знаменовал собой и закат идеи масштабной лесопромышленной колонизации Тобольского Севера. К 1925 г. сплав древесины по рекам Обь-Иртышского бассейна для нужд уральской металлургии составил 210 тыс. куб. саженей (в основном из бассейнов Туры и Тавды) [12], но дальнейший его рост лимитировался полной неосвоенностью лесных массивов и отсутствием наземных путей сообщения. К 1927 г. освоение лесных массивов Тобольского Севера рассматривалось еще как перспективная, требующая предварительных изысканий, а не актуальная задача [8, с. 117–118].

Хотя Уральская область, доказывая необходимость включения в свой состав Тобольского Севера, подходила к задаче его освоения, отталкиваясь от идеи масштабной лесопромышленной колонизации, объективно на первый план в текущей жизнедеятельности районов Тобольского Севера выходила задача не столько изменения традиционной модели «комбинированного промыслового хозяйства», сколько его восстановления, или, как подчеркивал один из уральских плановиков, «усовершенствования и частичной реконструкции сло-

жившегося “хозяйственного порядка”» [9, с. 78–79]. При переходе же от восстановительной фазы НЭПа к развернутому индустриальному строительству, в силу исключительно напряженной программы индустриализации Уралобласти, освоение далеких, окраинных территорий Севера, по понятным причинам, не могло быть выделено даже в качестве хозяйственного приоритета областного значения.

На недостаток внимания и профессионализма в подходе Уралобласти к развитию промышленного хозяйства Тобольского округа, на применение к Северу шаблонов и практик управления, характерных для развитых и обжитых районов, в частности, указывали делегаты II Тобольского окружного съезда Советов в декабре 1924 г. По мнению ряда делегатов, насущные проблемы подъема промышленного хозяйства Севера как бы терялись между главными задачами, на которые ориентировалась область, — восстановлением промышленности и развитием аграрной экономики [11, д. 2415, л. 77, 78, 78 об.]. Не менее острая критика звучала и со стороны самих уральских плановиков. Один из них, освещая «Генеральный план хозяйства Урала...», весьма невысоко оценивал результаты хозяйственной работы областного руководства на Севере, указывая как на недостаток на отсутствие в плане какой-либо «наметки перспектив пушного и рыболовного хозяйства». Далее он писал: «Тобольский Север, занимающий обширную часть территории Уральской Области и представляющий собой весьма большое своеобразие в структуре своего хозяйства, не нашел еще себе достаточного места и признания в построениях генерального плана. Прошло уже почти пять лет, как район этот включен в орбиту Урала, пора вплотную подойти к организации там хозяйства...» [10, с. 13]. Солидная ежегодная поддержка Тобольского округа в виде дотации из фонда регулирования Уралобласти в размере 33 % его доходного бюджета [5, с. IX], к сожалению, не искупала недостатков в организационно-экономической и управленческой работе.

В декабре 1927 г. на I Уральском областном совещании по советскому строительству работников национальных меньшинств, посвященном подведению итогов восстановительного периода, отмечалось, что Тобольский Север, в явном контрасте с другими округами и районами Уралобласти, характеризовался самыми низкими, неудовлетворительными темпами восстановления своего хозяйства до довоенного уровня. Пушные заготовки на Тобольском Севере составили

лишь 71,5 % к довоенному уровню, а их доля в общих заготовках пушнины Уральской области даже снизилась — с 55 до 38 %. Рыбная промышленность Севера ни по валовой продукции, ни по доле в общепромышленном производстве к концу 1927 г. еще не достигла довоенного уровня [13]. Большой проблемой стало заметное уменьшение добычи рыб ценных пород: красной рыбы — 71,4 %, белой — 44,6 % к довоенному уровню. Из всех промысловых отраслей Севера лишь оленеводство приблизилось к довоенному уровню, однако здесь, как и в других отраслях северного хозяйства, наблюдался беспрецедентно низкий уровень товарности. Промышленность — важнейший ориентир развития во всех советских планах — к 1928 г. находилась на зачаточном уровне. За исключением рыбоконсервного производства Уралгосторга, во всем Тобольском округе имелось лишь 10 небольших промышленных заведений с общим числом 175 рабочих и валовой стоимостью продукции в 812,7 тыс. руб. [4, с. 250, 251]. Любопытно, что специальная комиссия областной РКИ, обследовавшая весной 1926 г. состояние экономики Тобольского Севера, пришла к выводу, что баланс затрат на развитие этого края и отдачи от него мог быть — в силу отсутствия какого-либо иного экономического развития — сведен к простому балансу товарообмена с северными территориями, т.е. соотношению стоимости ввозимых на Север потребительских товаров и продуктов и стоимостью вывозимой отсюда промышленной продукции. Оказалось, что в среднем за период 1923–1925 гг. на Тобольский Север было завезено товаров и продуктов на сумму около 4 млн руб., а общая продукция края, состоящая из пушнины, рыбы, продукции оленеводства, ягодного и кедрового промыслов (плюс учитываемые в активе побочные заработки населения и заработная плата рабочих и служащих), составила за этот же период в среднем 3,9 млн руб. (правда, с колебаниями в сторону уменьшения или увеличения по отдельным годам). Это состояние можно было характеризовать в целом как застойное равновесие [14].

Хотя включение Тобольского Севера в состав Уральской области было во многом мотивировано ролью Урала как сильного региона, обладающего крупным промышленным и культурным потенциалом, общая отсталость, огромное число проблем, накопившихся в северном промысловом хозяйстве, и определенная «несовместимость» траекторий развития регионов приводили к тому, что систематическая финансовая и материально-техническая поддержка северного разви-

тия со стороны Урала могла в 1920-х гг. принести лишь очень скромные результаты. Их можно характеризовать скорее как стабилизацию и преодоление кризиса, но не уверенное развитие.

Библиографический список

1. Пятилетний план народно-хозяйственного строительства СССР : в 3 т. Т. III. Районный разрез плана / Госплан СССР. — М.: Изд-во «Плановое хозяйство», 1930. — 606 с.
2. Материалы по районированию Урала : в 4 т. Т. I. — М.: Изд. Урал. Обл. Экон. Совецание, 1923. — 31 с. — [Отд. оттиск].
3. Материалы по районированию Урала : в 4 т. Т. III. Предварительное описание округов. — Екатеринбург: Изд. УралОблЭКОСО, 1923. — 499 с.
4. Районы Уральской области: схематические характеристики районов и округов, основные статистические показатели, карты районов и округов. — Свердловск: Издание Орготдела Уралоблсполкома и Уралстатуправления, 1928. — 378 с. — [Отд. оттиск из издания «Населенные пункты Уральской Области»].
5. Урал после районирования / С предисл. Д.Г. Сулимова. — Свердловск: Уралсовет, 1926. — XIX, 151 с., 8 карт.
6. Генеральный план хозяйства Урала на период 1927–1941 гг. и перспективы первого пятилетия : Материалы к генеральному плану РСФСР и СССР. — Свердловск: Уралплан, 1927. — XIII, 728, [113] с.
7. Контрольные цифры пятилетнего плана народного хозяйства и социально-культурного строительства РСФСР (1928/29–1932/33 гг.) : в 2 т. Т. I. — М.: Изд. Госплана РСФСР, 1929.
8. **Воскобойников М.** Значение Уралобласти для государственной колонизации // *Весь промышленный и торговый Урал, 1927* / М. Воскобойников, [ред. Д.М. Бобылев]. — Свердловск: Газетное изд-во Уралоблсполкома, [1927]. — С. 113–118.
9. **Бобылев Д.** По вопросу реконструкции промышленного хозяйства Приполярного Севера / Д. Бобылев // *Хозяйство Урала.* — 1926. — № 12. — С. 78–83.
10. **Степанов П.** Вопросы генерального плана хозяйства Урала / П. Степанов // *Хозяйство Урала.* — 1928.
11. ГАСО. Ф. 241 р. Оп. 2.
12. ГАСО. Ф. Р-88. Оп. 1. Д. 577. Л. 26–27
13. ГАСО. Ф. 88р. Оп. 5. Д. 308. Л. 82–83.
14. ГАСО. Ф. 88р. Оп. 1. Д. 650. Л. 150–150 об.

К.И. Zubkov

Regional Policy of the Ural Region and the Formation of a Strategy for the Development of the North (1920s)

Keywords: *Ural oblast, regionalization, North, Tobol'sk district, strategy, colonization.*

Abstract. *The article discusses the motives for the inclusion of the territories of the Tobolsk North into the Ural region, formed in 1923, the main directions of the policy of the Ural authorities on their exploitation and development. The analysis focuses on the achievements and problems of the regional policy of the Ural region in its northeastern suburbs, its contribution to the formation of the early Soviet strategy for the development of the North.*

Zubkov Konstantin Ivanovich, Candidate of Historical Sciences, Head of the Centre for Methodology and Historiography, Institute of History and Archaeology, the Ural Branch, Russian Academy of Sciences (Ekaterinburg, Russia); e-mail: zubkov.konstantin@gmail.com.

УДК 94(47+282.247.42)“1921/1929”+339.16.012.32-051

А.П. КИЛИН¹

«ТОРГАШИ» И «ТОРГОВЦЫ» В ГОДЫ НЭПА: ПРОБЛЕМА СОЦИАЛЬНОЙ СТРАТИФИКАЦИИ

Ключевые слова: *нэп, частная торговля, стратификация, профессионализация, адаптация.*

Аннотация. *Категория частных торговцев в 1920–1930-е гг. не была однородной, а их облик — далеко не столь однолинейно выразителен, как то изображала пропаганда. В орбиту предпринимательских отношений втягивались миллионы рядовых граждан. Торговля в условиях дефицита товаров повседневного спроса перестала быть профессиональной сферой деятельности, а превратилась в образ жизни человека, в способ адаптации, дающий шанс на выживание, т. е. с одной стороны, становилась массовой профессией, с другой — депрофессионализировалась. В экстремальных условиях, когда традиционные системы производства и распределе-*

¹ Килин Алексей Павлович, доктор исторических наук, ФГАОУ ВО Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина (Екатеринбург, Россия), e-mail: Alexey.Kilin@urfu.ru.